

К. С. Аксаков

Полное собрание сочинений

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. С. Аксаков**
Полное собрание сочинений: Том 2 / К. С. Аксаков – М.: Книга по Требованию, 2017. – 674 с.

ISBN 978-5-518-08664-7

ISBN 978-5-518-08664-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ предисловіи къ I тому Полнаго Собранія Сочиненій К. С. Аксакова, содержащему въ себѣ его сочиненія историческія, былъ наложенъ и самый планъ изданія, согласно съ которымъ II и III томы предназначались для статей по разнымъ политическимъ, общественнымъ и литературнымъ вопросамъ, также для стихотвореній и драматическихъ піесъ; труды же по русской филологіи должны были войти въ составъ IV и V-го тома. Разныя обстоятельства заставили измѣнить этотъ порядокъ и предпослать филологію публицистикѣ и поэзіи. При существующихъ у насъ цензурныхъ условіяхъ, *полное* изданіе сочиненій Константина Сергѣевича, по отдѣлу публицистики и художественному, еще невозможно покуда — безъ тѣхъ урѣзковъ и передѣлокъ „рукою властною“, которыхъ мы конечно съ своей стороны допустить не желаемъ, да не имѣемъ на то и права. Напротивъ того: не говоря уже о произведеніяхъ, еще ни разу въ печати не появлявшихся, мы даже и тѣ статьи, которыя уже были напечатаны при жизни самого автора, пытаемъ умыселъ издать въ ихъ настоящемъ видѣ, какъ онѣ были написаны и сохранились въ рукописи, безъ вставокъ и присочиненій, цензурою вынужденныхъ. Время для этого еще не настало, но филологія, къ счастью, обрѣтается въ Россіи уже и теперь въ болѣе выгодномъ положеніи.

Въ издаваемомъ нынѣ II томѣ собраны и размѣщены въ хронологической послѣдовательности всѣ филологическія

работы Константина Сергѣевича, предшествовавшія его послѣднему, обширному труду, именно „Опыту Русской Грамматикѣ“, котораго только первый выпускъ (всего 12 листовъ) былъ изданъ самимъ авторомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины, и который, даже въ неоконченномъ своемъ видѣ, займетъ собою весь III томъ.

Задержка въ появленіи въ свѣтъ филологическихъ сочиненій произошла отъ того, что изданіе Грамматикѣ, при неразборчивости рукописи и неотдѣланности той ея части, которая посвящена сравнительной филологіи, потребовало ученой провѣрки и потому могло быть поручено только филологу-специалисту. Это трудное порученіе, изъ уваженія къ памяти автора, принялъ на себя П. А. Безсоновъ, близко знакомый съ его филологическимъ воззрѣніемъ и состоявшій съ нимъ нѣкоторое время въ филологической перепискѣ. Многія причины, изчислять которыя было бы совершенно излишне, замедлили работу г. Безсонова, вслѣдствіе чего было приостановлено изданіе и II тома, по тѣсной связи его съ III-мъ; но теперь нѣтъ уже основанія задерживать его выпускъ, такъ какъ печатаніе Грамматикѣ уже близится къ концу и III томъ, по всей вѣроятности, выйдетъ въ теченіи года.

Какъ ни прискорбно такое промедленіе въ изданіи филологическихъ трудовъ Константина Сергѣевича, мы думаемъ однакоже, что достоинство ихъ и, такъ сказать, свѣжесть отъ того нисколько не потеряютъ. Едва ли не теперь только наступаетъ пора для безпристрастной оцѣнки того направленія и той дѣятельности, которыя извѣстны подъ именемъ „славянофильства“ и которыя въ наше время, даже и не вполне доброжелательными критиками, начинаютъ уже признаваться за „важный историческій моментъ въ умственномъ развитіи русскаго общества“: моментъ же этотъ, въ своемъ живомъ историческомъ образѣ, олицетворяется преимущественно въ двухъ личностяхъ — Константина Аксакова и Хомякова. Такимъ же „славянофиломъ“, каковымъ былъ Константинъ Аксаковъ въ области исторіи, въ разрѣшеніи со-

временныхъ вопросовъ политическихъ, общественныхъ, литературныхъ, — явился онъ и въ наукѣ о словѣ, т. е. мыслителемъ самобытнымъ, чуждымъ зависимости отъ иностранныхъ ученыхъ авторитетовъ, ищущимъ сознать сокровенныя, истовыя начала русской народности, во всѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ народнаго духа. „Слово“ же — по выраженію Константина Сергѣевича, въ его Грамматикѣ — „есть духъ, воплотившійся въ звуковую плоть“. Еще точнѣе характеризуется его „славянофильское“ отношеніе къ русскому языкознанію слѣдующими словами, сказанными имъ гораздо ранѣе, еще въ 1846 году:

„Вмѣстѣ съ нашествіемъ иноземнаго вліанія на всю Россію, на весь ея бытъ, на всѣ начала, и языкъ нашъ подвергся тому же; его подвели подъ формы и правила иностранной грамматики, ему совершенно чуждой, и какъ всю жизнь Россіи, вздумали и его коверкать и объяснять на чужой ладъ. И для языка должно настать время освободиться отъ этого тѣснящаго ига иностраннаго. Мы должны теперь обратиться къ самому языку, наслѣдовать, сознать его и изъ его духа и жизни вывести начала и разумъ его, его грамматику. Она не будетъ противорѣчить грамматикѣ общечеловѣческой, но только и строго общей, а совсѣмъ не общечеловѣческой — выразившейся извѣстнымъ образомъ у другихъ народовъ и только представляющей свое самобытное проявленіе этого общаго... Въ ней, въ русской грамматикѣ, можетъ быть, полнѣе и глубже явится оно, нежели гдѣ-нибудь. Кто изъ насъ станетъ отвергать общее, человѣческое? Русской на него самъ имѣетъ прямое право, а не чрезъ посредство какого-нибудь народа; оно самобытно и самостоятельно принадлежитъ ему, какъ и другимъ, и кто знаетъ? можетъ быть ему болѣе, нежели другимъ, и можетъ быть миръ не видалъ еще того общаго, человѣческаго, какое явитъ великая славянская, именно русская природа... Да возникнетъ же вполне вся русская самобытность и національность!.. Гдѣ же національность шире русской? Да освободится же и языкъ нашъ отъ наложеннаго на него ига иноземной грамматики, да явится онъ во всей собственной жизни и свободѣ своей!..“

Эта мысль и лежитъ въ основаніи всѣхъ филологическихъ работъ Константина Сергѣевича. Прослѣдить „мышленіе самого языка, выражающееся въ его различныхъ формахъ, флексіяхъ, словозмѣненіяхъ“, извлечь изъ самой сущности языка его внутренніе органическіе законы — вотъ задача, по его мнѣнію, русскихъ филологовъ. Преждевременная смерть не дала ему совершить эту задачу вполне; его Грамматика осталась не доконченною; тѣмъ не менѣе совокуп-

ность всѣхъ его трудовъ и замѣтокъ, собранныхъ въ обоихъ томахъ, даетъ возможность воссоздать въ достаточной полнотѣ тотъ величественный строй русскаго Слова, какой представлялся ему въ его филологическомъ изслѣдованіи и откровеніи. Говоримъ: „откровеніи“, потому что Константинъ Сергѣевичъ не былъ и, по самой природѣ своей, не могъ быть ученымъ въ смыслѣ нѣмецкаго гелертера; процессъ его ученой работы былъ не просто аналитическій, но такъ сказать и художественный вмѣстѣ, мгновенно объ- емлющій синтезъ изслѣдуемаго явленія, его „душу живу“ и органическую цѣльность. Его мысль почти всегда предва- ряла длинный путь логическихъ выводовъ и формальнаго знанія, и нерѣдко, къ удивленію ученыхъ, находила себѣ подтвержденіе или въ цѣлой массѣ научныхъ данныхъ, еще вовсе не извѣстныхъ Константину Сергѣевичу, или въ послѣ- дующихъ открытіяхъ науки. Было бы ошибочно, впрочемъ, заключать изъ нашихъ словъ, что мы ставимъ ему въ осо- бенную заслугу такой способъ научныхъ изслѣдованій и даже отдаемъ этому способу предпочтеніе передъ всѣми другими. Мы просто указываемъ на художественную стихію, присущую всей дѣятельности Константина Сергѣевича, какъ на психическую его особенность, и съ своей стороны сви- дѣтельствуемъ, что въ его душѣ не было никогда ни тѣни пренебреженія къ строгому методу нѣмецкихъ ученыхъ. Мы полагаемъ однако же, что эта его особенность, въ свою оче- редь, не должна бы возбуждать (какъ это до сихъ поръ не разъ бывало) пренебреженія со стороны тружениковъ ученаго цеха. и что поэтическое чувство есть также одно изъ поз- навательныхъ орудій человѣческаго духа, наравнѣ съ логиче- скимъ разумомъ. Константину Сергѣевичу безъ сомнѣнія не- доставало той обширной эрудиціи, которая лежитъ въ осно- ваніи ученыхъ трудовъ германскихъ филологовъ, ни того близкаго знакомства съ литературою предмета, которое обнаруживаютъ многіе изъ русскихъ ученыхъ, особенно въ области сравнительной филологіи. Но этотъ недостатокъ, имъ вполне сознаваемый, едва ли не съ избыткомъ воспол-

нялся его филологическимъ чутьемъ, его способностью проникать въ самыя духовныя нѣдра слова и угадывать сокровенную мысль грамматическихъ видоизмѣненій. Во всякомъ случаѣ безспорно уже то, что шель онъ въ области русской филологіи путемъ совершенно новымъ и до него неизвѣданнымъ, что онъ поставилъ точку зрѣнія вполне самостоятельную, отличную отъ той, на которой, подъ влияніемъ иностранныхъ учителей, стояли прежніе русскіе изслѣдователи, — и, прибавимъ отъ себя, такую точку зрѣнія, съ которой одной только могутъ, по нашему мнѣнію, открыться передъ русскими филологами новые горизонты самобытной русской мысли, новые законы, новыя богатства русскаго Слова. Главное же изъ богатствъ этого Слова, по мнѣнію Константина Сергѣевича, есть *богатство свободы*. „Сущность, разумъ, духъ русскаго языка — свобода!“ говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — и этотъ-то „законъ живой внутренней свободы“ (усматриваемый имъ и во всѣхъ прочихъ проявленіяхъ русскаго народнаго духа) усиливался онъ, въ теченіи всей своей жизни, заставить наше общество и нашихъ ученыхъ: понять, признать и *уважить*.

Филологія, впрочемъ, была его спеціальнымъ призваніемъ. О томъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся филологическія отмѣтки, писанныя имъ еще въ 15 лѣтнемъ возрастѣ, — отмѣтки, въ которыхъ уже и тогда была видна самостоятельная работа мысли.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу диссертациі: „Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка и литературы“, писанной авторомъ на степень магистра и вошедшей въ составъ II тома. Только одна, именно вторая часть этой диссертациі — содержанія чисто-филологическаго; первая же часть заключаетъ въ себѣ очеркъ русской исторіи, послѣдняя — критическій разборъ поэзіи Ломоносова. Этимъ обѣимъ частямъ, казалось бы, вовсе не мѣсто въ отдѣлѣ языковѣдѣнія. Но раздроблять цѣльный трудъ по разнымъ отдѣламъ, и особенно въ изданіи, носящемъ названіе „пол-

наго собранія сочиненій“, представлялось намъ неудобнымъ да и не нужнымъ,— между прочимъ потому, что очеркъ русской исторіи, содержащійся въ первой части диссертациі, вовсе не выражаетъ того историческаго воззрѣнія автора, которое выработалось въ немъ позднѣе и высказано въ сочиненіяхъ, собранныхъ въ I томѣ. Тѣмъ не менѣе эта часть диссертациі и сама по себѣ, кажется намъ, не лишена достоинства, и представляетъ притомъ нѣкоторый интересъ въ смыслѣ біографическомъ. Въ то время, когда Константинъ Сергѣевичъ началъ писать свою диссертацию, и именно первую ея часть, т. е. въ началѣ сороковыхъ годовъ, его „славянофильское“ міросозерцаніе еще не опредѣлилось и не сложилось въ ту стройную систему, въ которой явилось впоследствии. Онъ находился тогда еще подъ сильнымъ вліяніемъ Гегелевой философіи, которою ревностно занимался. Нѣтъ ничего однакоже ошибочнѣе и забавнѣе того мнѣнія, которое мы недавно прочли въ одномъ петербургскомъ изданіи, будто само „славянофильство“ выродилось изъ Гегеля и есть не болѣе, какъ отраженіе западнаго умственнаго движенія, западныхъ теорій о національности. Изобрѣтатель такого мнѣнія готовъ, повидимому, отрицать въ русскомъ народѣ не только способность, даже потребность самосознанія! Не вдаваясь въ подробное истолкованіе историческаго происхожденія славянофильства, его значенія какъ реакціи Петровскому перевороту, и проч., и проч., и обращаясь только къ личности самого Константина Сергѣевича, считаемъ долгомъ удостовѣрить, что съ самаго ранняго дѣтства ему были вполне присущи, были неотъемлемы отъ его духовной природы всѣ тѣ инстинкты, которые потомъ развились до степени сознательныхъ убѣжденій, и выразились въ такъ называемой славянофильской системѣ. Но этотъ процессъ развитія былъ конечно осложненъ, въ самомъ своемъ началѣ, воспринятіемъ чуждыхъ вліяній, въ особенности изученіемъ германской философіи и литературы. Какъ ни горячо былъ преданъ Константинъ Сергѣевичъ этой философіи и литературѣ, онъ не поступился однакоже ни разу

завѣтными началами, глубоко коренившимися въ его душѣ, не измѣнилъ ни разу своей страстной вѣрѣ въ Русскій народъ и въ его міровое назначеніе,—даже и тогда, когда, въ ранней его молодости, въ кругу его университетскихъ сверстниковъ, эта вѣра вызывала лишь дружныя насмѣшки и пренебреженія. Вся пылкая настойчивость его души, вся пытливость ума были съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, нерѣдко даже безъ сознательнаго умысла, направлены къ одной цѣли: оправдать, — и оправдать путемъ самой западной науки,—и свою любовь, и свою вѣру, и свои думы о высокихъ, своеобразныхъ началахъ русскаго народнаго духа. Увлекаясь величавымъ строемъ философской системы Гегеля, онъ гнулъ и натягивалъ его отвлеченныя формулы на „опредѣленіе“ и вѣщее прославленіе Русской земли; вся мудреная Гегелева логомахія призвана была послужить этой задачѣ и доказать всемірно-историческое значеніе русской народности.—въ то время еще пренебреженной, непризнанной, отрицаемой какъ западною наукою, такъ и ея русскими раболѣпными поклонниками. Этимъ именно и объясняется сдѣланная имъ попытка, въ 1-й части его диссертациі, построить русскую исторію по схемѣ Гегелевой философіи и обнаружить въ самомъ ходѣ нашей исторіи ту логическую правильность развитія, которая выражена извѣстною формулою абсолютнаго (двойнаго) отрицанія. Отъ того и самый языкъ этой части диссертациі испещренъ и даже изуродованъ нѣмецкими философскими терминами. Но Константинъ Сергѣевичъ не замедлилъ убѣдиться, что такое философское объясненіе русской исторіи остается чисто формальнымъ и внѣшнимъ, не объимаетъ всей ея сущности, не отводитъ даже и мѣста самымъ властительнымъ, самымъ важнымъ духовнымъ двигателямъ народной исторической жизни. Ближайшее знакомство съ Хомяковымъ помогло Константину Сергѣевичу окончательно освободиться отъ подчиненія Гегелю и найти полное оправданіе своимъ смутнымъ чаяніямъ и гаданіямъ въ самой сущности духовныхъ стихій русской народности, раскрытію которыхъ онъ и посвятилъ

съ тѣхъ поръ всего себя, всю свою дѣятельность. Но въ его любви къ народности вовсе не было той исключительности, въ которой невѣжество противниковъ обвиняло славянофиловъ. Константинъ Сергѣевичъ не переставалъ чтить искренно и высоко общечеловѣческій, міровой подвигъ германской мысли; философскій складъ мышленія остался ему привыченъ на всю его жизнь, и самый его „Опытъ Русской Грамматики“ можетъ быть, по справедливости, названъ опытомъ философіи русскаго языка.

Иванъ Аксаковъ.

О ГРАММАТИКЪ ВООБЩЕ.

